

5
1545

Проф. Н. Н. ПОЛЯНСКИЙ
Проф. Б. И. СЫРОМЯТНИКОВ

НА СЛУЖБЕ ПРАВУ

А. Ф. КОНИ

1304 в. у. г. п. р.

ПРАВО и ЖИЗНЬ

МОСКВА—1928

1943

Проф. И. М. ПОДРИСКИН
Проф. В. П. СЫСЫНОВ

СПБГУ

Главлит № А-2023. Тираж 5.000—3½ л. Заказ № 1484.

Госуд. тип. изд. „Ленинградская Правда“. Ленинград, Социалистическая, 14

С176ГУ

А. Ф. КОНИ.

Когда знакомишься с жизнью и деятельностью Кони и затем подыскиваешь слово, с которым бы ассоциировалось сложившееся о нем представление, то легко находишь его. Это слово—*долг*. Кони был прежде всего человеком долга. Всем известно, что он был также человеком большого ума и исключительных дарований, благодаря которым он стяжал себе репутацию выдающегося судебного оратора и первоклассного писателя. Но это именно—«также»: чувствуется, что и ум и дарования играли в его личности подчиненную роль—роль таланта, которого он не зарыл, для того, чтобы выполнить то, что он считал своим долгом и своим назначением. Кажется, любимые слова Кони (по крайней мере, он повторяет их в разных статьях не менее трех раз), это—слова Лютера: «Hier stehe ich,—ich kann nicht anders» (я стою на этом—иначе я не могу). И он умел стоять твердо на том, что подсказывалось ему его пониманием долга, всегда твердо держа в своей памяти изречение Цицерона: «Нет момента в жизни, свободного от долга».

В жизни Кони сделал не мало добрых дел, но тот, кто близко не знал его, затруднился бы сказать, вытекали ли эти добрые дела из непосредственного влечения доброго сердца, но зато всякий, кто изучил убеждения Кони по тому, что он говорил, и проверил их по тому, что он делал, не затруднился бы сказать, что всегда,—и тогда, когда он приходил на помощь людям, и тогда, когда он выступал, как непреклонный служитель сурового закона,—он действовал, послушно подчиняясь требователь-

ному голосу совести. Слово и дело у него всегда были в дружном между собою согласии.

Думаем, мы не ошибемся, высказав предположение, что тот «наш общий знакомый», о котором упоминал Кони, рассказывая о харьковском профессоре Лямбле, был не кто иной, как сам Кони, и что, именно, в утешение Кони профессор Лямбль привел в качестве слов, которые «общий знакомый» будет со временем в праве сказать, стихи:

Jch kenne einen braven Mann;
Schade, dass ich ihn nicht küssen kann,
Da ich bin selbst der brave Mann.

Первым трудом, которым Кони начал свою, потом уже не прерывавшуюся в течение шестидесяти лет, деятельность на благо родной страны, отечественной науки и литературы, было его напечатанное в «Московских Университетских Известиях» за 1866 г. «кандидатское рассуждение» о праве необходимой обороны (написанное еще в 1865 г.). В этой ранней своей работе Кони выступил, как юрист определенно прогрессивного образа мыслей, которому оставался верен всю жизнь. Право необходимой обороны им оригинально выводилось из начала равенства между людьми: «отнять у человека защиту (точнее: право на самозащиту), когда общество ее дать не может, значило бы совершенно уничтожить объективное равенство между людьми: один сделался бы полновластным владыкой, а другой—беззащитною жертвой» (стр. 200). Он не сомневался в «справедливости и целесообразности» допущения необходимой обороны против незаконных действий властей (стр. 214), ибо «всякий гражданин, имеющий обязанность исполнять закон, имеет и право не допускать противозаконных действий» (стр. 216); в частности, гражданину должно принадлежать право необходимой обороны против незаконного ареста (стр. 238). Кони доказывал, что эти теоретические выводы соответствуют и смыслу постановлений нашего законодательства (стр. 290).

Хотя «рассуждение» Кони было напечатано в ученом издании Московского Университета, оно вызвало целый

переполох, поднятый главным управлением по делам печати; в результате Кони было вменено в обязанность не распространять оттисков своего «рассуждения»; только по особенному снисхождению автор не был подвергнут никакой каре.

По окончании московского университета, Кони был рекомендован юридическим факультетом министерству для командировки за границу, где он должен был готовиться к занятию кафедры уголовного права и процесса, но, вследствие перехода министерства народного просвещения в ведение Д. А. Толстого, командировка не состоялась, и Кони поступил на службу по судебному ведомству.

Вступление на судебное поприще не определило раз на всю жизнь круга деятельности и арены успехов Кони. Его «жизненный путь» шел не по узкой тропинке, а по многоколейной столбовой дороге. На поприщах судебной деятельности, законодательной работы, научного преподавания и литературного творчества он одинаково подвизался с тем завидным успехом, который сделал его, — не по-русски звучащее — имя одним из самых популярных русских имен. Однако, не может быть все же сомнения, что самую выпуклую грань в его многогранной работе составляет его именно судебная деятельность. И не только потому, что этой деятельности он посвятил большую часть своей жизни, но и потому, что своим примером и своим заветом он оказал русскому до-революционному правосудию чрезвычайно ценные услуги; которые привлекали к себе благодарное внимание всех, кто видел в правильно поставленном суде настоящие «столп и утверждение» здоровой общественности и нормальных отношений между обществом и властью.

Нерукотворный памятник своей судебной деятельности Кони оставил в своих судебных речах, помещенных в двух сборниках: «Судебные речи» (1868—1888) и «За последние годы».

Если существеннейший элемент судебной деятельности составляет судоговорение, то из различных форм судоговорения первенствующее место принадлежит судебным

прениям. К ним еще в большей мере, чем к литературе, применимо требование великого сатирика: «со словом надо обращаться честно». Если бы судебный деятель, делающий первые шаги на избранном им поприще, хотел иметь наглядный пример того, что значит обращаться со словом на суде не только честно, но и шепетильно, то он должен был бы обратиться к судебным речам Кони.

Судебные речи Кони разделены им самим на четыре группы: обвинительные речи, руководящие напутствия присяжным, касационные заключения и кассационные доклады.

Можно было бы много сказать о форме обвинительных речей Кони, всегда отделанных, как изящнейшие литературные произведения, но гораздо большего внимания, чем форма речи, заслуживают усвоенные и установленные Кони приемы обвинения. Научиться его речи невозможно: для этого нужно иметь его индивидуальное дарование; усвоить его приемы обвинения для каждого обвинителя обязательно.

Прокурор, в глазах Кони, — «говорящий публично судья». Поэтому, он прежде всего сохранял то спокойствие, которое для судьи обязательно. В его обвинительных речах нет «натиска» на присяжных заседателей; он убедительно доказывал в каждой из них виновность подсудимого, но редко убеждал судей произнести непременно обвинительный приговор. «Я выношу полнейшее убеждение в виновности подсудимого; разделяете ли вы мое убеждение, покажет ваш приговор» — таковы те слова, с которыми он обратился к присяжным заседателям по делу о нанесении губернским секретарем Дорошенко мещанину Северину смертельных побоев, — но таков же по большей части смысл и других его речей. Настаивая на виновности подсудимого, он не настаивал во что бы то ни стало на обвинительном приговоре, не внушал присяжным заседателям, взывая к их совести или запугивая их опасностью, которою угрожает обществу оправдательный приговор, что они должны сказать: «да, виновен»; напротив, он говорил им: «вы можете оправдать или обвинить» (дело о подделке акций Тамбовско-Козловской

жел. дороги); самое большое, что он позволял себе, это—предугадывать обвинительный приговор, но не высказывать уверенность что приговор будет непременно таковым, как бы не допуская мысли, что обвиняемый может быть оправдан; эта возможность им допускалась даже при полной субъективной уверенности в виновности подсудимого. «Я уверен, говорил он в речи об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем, что вы не отступите перед трудностью задачи так, как не отступила перед нею обвинительная власть, хотя, быть может, разрешите ее иначе». Во всех этих выражениях сквозит глубокое убеждение Кони, что совесть заседателей должна быть свободна, что если доводы обвинения сами по себе убедительны, то совесть присяжных сама свободно, но неизбежно и сознательно подчинится им без содействия силы внушения и не под давлением внезапно нахлынувшего чувства, столь же неустойчивого, как неустойчив бывает искусственный пафос обвинительной речи.

Кони никогда не обвинял, как говорится, «с запросом». Доказывая виновность подсудимого, он всегда определял и меру этой виновности. Как ни трудна эта задача, потому что для сравнения явлений морального порядка еще не найдено единицы измерения,—в языке Кони всегда находились подходящие для этого и понятные для присяжных выражения, и когда мера виновности подсудимого представлялась ему «укороченной», он не останавливался перед тем, чтобы просить у присяжных заседателей «снисхождения» или даже «полного снисхождения».

Конечно, вовсе не редкость в речах обвинителей было услышать, что присяжные заседатели могут признать обвиняемого заслуживающим снисхождения, но Кони не ограничивался этим; его ораторское вдохновение не заканчивалось на изложении доводов обвинения; он и снисхождения для обвиняемых просил в таких выражениях, которым позавидовала бы защита, когда она ищет слов для того, чтобы тронуть сердце присяжных заседателей. Обвиняя Елизавету Штрам в укрывательстве убийства ее сына, Кони закончил свою обвинительную речь такими

словами: «Невольная свидетельница злодеяния своего сына,—забитая нуждою и жизнью,—она сделалась укрывательницей его действий потому, что не могла найти в себе силы изобличить его... Трепещущие бессильные руки матери вынуждены были скрывать следы преступления сына потому, что сердце матери по праву, данному ему природой, укрывало самого преступника. Поэтому, вы, господа присяжные, поступите не только милостиво, но и справедливо, если скажете, что она заслуживает снисхождения».

Из своих «руководящих напутствий присяжным» Кони выбрал только три. Известно, какое большое место стали составлять резюме председателя в нашем дореволюционном процессе с тех пор, как многие председатели усвоили себе взгляд на защиту, как на тормаз, мешающий спокойному и быстрому отправлению правосудия; вовсе не редкое явление составляли резюме, по характеру своему дублирующие обвинительную речь; что же касается таких резюме, которые не произносились заведомо *in favorem accusationis*, то они часто заставляли желать многого с точки зрения их содержательности. Не даром Л. Н. Толстой не удержался от карикатуры, изображая говорящего заключительное слово председателя. Прежде изложения дела председатель, в знаменитом романе, «очень долго объяснял присяжным, с приятной домашней интонацией, то, что грабеж есть грабеж, а воровство есть воровство... Потом, когда он предположил, что присяжные уже достаточно прониклись этими истинами, он стал развивать другую истину о том, что убийством называется такое действие, от которого происходит смерть человека,—что отравление, поэтому, тоже есть убийство... Потом подробно внушал присяжным, что, если они найдут подсудимых виновными, то имеют право признать их виновными, а если найдут их невиновными, то имеют право признать их невиновными»...

Нередкая скудость содержания резюме председателя объяснялась до известной степени скудостью определений законодателя: заключительному объяснению председателя в Судебных Уставах было уделено всего четыре статьи,

при чем, возлагая на председателя обязанность изложить перед присяжными общие юридические основания к суждению о силе доказательств, приведенных в пользу и против подсудимого, законодатель не определял сам этих оснований.

Уловив общую мысль законодателя о заключительном объяснении председателя, Кони дал опыт самостоятельной выработки приемов и содержания резюме. В своих резюме он не толкал присяжных в ту или другую сторону, а только освещал перед ними тот логический путь, который они должны пройти. Он как бы перебирал перед присяжными цепь логических звеньев, которую им предстоит замкнуть, испытывая прочность каждого звена, и опасаясь, чтобы ни одно из них не было пропущено присяжными.

Позднее, став обер-прокурором уголовного кассационного департамента, Кони в ряде заключений (по делам о злоупотреблениях в Скопинском городском общественном банке, о злоупотреблениях в Саратовско-Симбирском земельном банке, о Кетхудове и др.) выяснял перед сенатом, чем должно быть заключительное слово председателя. Рассматривая процесс, как стройное здание, он видел в резюме председателя то *clef de voûte*, которое «совокупляет разветвления параллельно поднявшихся столбов обвинения и защиты». Его собственные резюме свидетельствовали о том, что он сам, как искусный зодчий, умел вывести такое *clef de voûte*.

Вот что писал Анатолию Федоровичу Кони по поводу его заключительного объяснения в деле Жюжан П. Д. Боборыкин: «Что в особенности прельстило меня в этом резюме—это не одна только форма его, но немыслимая для меня объективность изложения и отделки... Я и до Вашей речи рассуждал так, как Вы рассуждали, но повести себя так, как Вы себя повели, не был бы в состоянии—темперамент не позволяет: что-нибудь перепустил бы или не взвесил бы с такой широтой и строгой вдумчивостью, как это сделали Вы».

Как известно, одно из дел, в котором Кони также объективно повел себя (дело Веры Засулич), стоило ему

вынужденного перерыва в любимой работе в уголовном суде: он, выдающийся криминалист, был переведен в гражданский департамент судебной палаты.

Но, бесспорно, самыми ценными среди судебных речей Кони являются его кассационные заключения.

Сколько было состоявшихся по заключениям Кони и в полном согласии с ними решений сената, которые были на памяти у каждого криминалиста, потому что они приобрели значение в подлинном смысле руководящих решений по вопросам уголовного права и процесса. Достаточно вспомнить раз'яснения уголовного кассационного департамента по вопросу, может ли уголовный суд разрешить гражданский иск, если событие, коим он вызван, признано, а виновность подсудимого отвергнута (в реш. 1890 г. № 32 по делу Акимова и др.) или по вопросу о пределах судебного исследования (в реш. 1895 г. № 17 по делу Ольги Палем).

В своих заключениях Кони никогда не опирался на букву закона; он всегда выяснял внутренний смысл тех процессуальных форм, на несоблюдение которых жаловались защитник или обвинитель, и только с точки зрения присущего им жизненного значения оценивал степень важности нарушения. Преподаватель науки уголовного процесса, который стремится представить своим ученикам не сухой перечень и не легко забываемое описание процессуальных обрядов, а стройную правовую систему, скрепленную и насквозь проникнутую идеей целесообразности, найдет и теперь очень ценное для себя подспорье в кассационных заключениях Кони, в содержащихся в них раз'яснениях практического назначения большого числа судопроизводственных форм.

Все кассационные заключения Кони стоят на уровне строго научных догматических исследований, подкрепленных, когда нужно, историческими экскурсами, всегда оказывающимися у Кони очень любопытными и плодотворными по вытекающим из них выводам.

В кассационных заключениях Кони есть целый ряд определений, которые по своей точности, выразительности

и сжатости заслуживали бы быть целиком перенесенными в руководства для студентов-юристов. Можно ли, например, лучше определить условия предания суду в отличие от условий осуждения, чем словами: «при предании суду вопрос идет об основательности данных для того, чтобы поставить человека перед судьей: при суждении о вине или невинности вопрос сводится к доказательности этих данных для осуждения» (из заключения по делу о злоупотреблениях в Таганрогской таможне). Или можно ли более удачно формулировать отличие нашего дореформенного доказательственного права от современного, чем это сделано в следующем сопоставлении: «Старый порядок суда не содержал указаний на пределы исследования преступного деяния,—он, повидимому, позволял доказывать в деле все, но не всеми способами, ограничивая последние разными условиями. Новый порядок, установив точную формулировку обвинения на суде, позволяет доказывать не все, а лишь то, что входит в область преступного деяния обвиняемого¹⁾, но допускает доказывать это всеми способами» (из заключения по делу отставного поручика Вельяшева, обвинявшегося в укрывательстве векселей).

Кассационные заключения не касаются существа дела, ограничиваясь их юридической стороной. Отсюда их неизбежный сухо-формальный характер. Это не мешало Кони давать заключения, в которых глубокая содержательность соединялась с живым и ярким красноречием. Он умел привлечь внимание к своей мысли не только точным, но и выпуклым ее изображением. Можно было бы привести немало примеров, когда чисто юридические положения им облекались в красивую форму наглядных образов. Так, для выражения выводимого из 2 п. 797 ст.

¹⁾ Конечно, применительно к действующему УПК эта формула Кони требует оговорки: закон разрешает доказывать не только все, что входит в область преступного деяния, но и все, от чего зависит оценка личности обвиняемого.

у. у. с. правила, согласно которому вторая инстанция, рассматривающая дело по существу, должна обязательно разобрать все доводы первой инстанции, Кони нашел такую форму: «Допущение высшей инстанции обсуждать не все доводы низшей инстанции искажило бы архитекtonику судебного производства по уставам. В смысле объема и ширины рассмотрения доказательств и низшая, и высшая инстанции должны представлять из себя цилиндры, каждое поперечное сечение которого одинаково по объему, а не пирамиду, при чем, чем выше восходит дело, тем уже становится основание для его разрешения».

Или другой пример: для доказательства положения, что для понятия клеветы ни обстановка, ни количество слушателей не могут иметь никакого значения, Кони прибегает к сравнению клеветы с поджогом: «Засовывая зажженную паклю в соломенную крышу здания, подкладывая огонь под поленницу дров, стоящую в сених, зажигая сено, сложенное в сарае,—поджигатель не знает заранее и не может, поэтому, определить,—как широко раскинет крылья свои сделанное им злое дело... Но в сфере иных, нематериальных благ, тоже охраняемых законом, разве клевета не похожа на поджог? Разве рассказчик несправедливо позорящих чужую честь повествований не поступает так же, как поджигатель. И он, подобно поджигателю, может содейть зло,—которое в момент начала его совершения по виду незначительно,—и рассказать только одному. Но и он не властен затем в дальнейших результатах своего рассказа... и он, в большинстве случаев, пустив клевету, уже не в силах, даже почувствовав всю низость своего дела, прекратить забрасывание грязью доброго имени невинного, им самим содеянное... Вот почему клевета—«этот поджог чужой чести»—вовсе не обуславливается ни количеством слушателей, ни публичностью обстановки разговора» (из заключения по делу купца Адольфа Лангауза).

Выражение «клевета—поджог чужой чести» вошло в оборот. Сколько уже судебных ораторов, с легкой руки

Кони, употребляли его по делам о клевете, быть может, иногда даже не зная, кому принадлежит право авторства на него.

В 4-м издании «Судебных речей» (1905 г.) Кони прибавил к своим кассационным заключениям и несколько кассационных докладов.

Большая часть напечатанных кассационных докладов Кони посвящена делам о ересь и расколах. Дела эти все относятся к 90-м годам, когда преследование сектантов принадлежало к числу путей, при помощи которых делалась карьера. К сожалению, администраторы, опиравшиеся в своем восхождении по ступеням служебной лестницы на преследования сектантов, нередко находили себе поддержку и со стороны судебных учреждений, которые выносили обвинительные приговоры то на основании совершенно произвольного распространительного толкования закона, то опираясь на заключение указанных властью, возбуждавшее преследование, грубо неграмотных или пристрастных экспертов, доходивших до признания за вещественное доказательство преступного образа верований «книги, именуемой Евангелие». Кассационные доклады Кони по этого рода делам все проникнуты духом веротерпимости; по всем докладом сенатом были отменены обжалованные обвинительные приговоры. Только один приговор—также в согласии с мнением докладчика—был оставлен в силе: это был оправдательный приговор Владикавказского Окружного суда, который, разойдясь с заключением Владикавказской духовной консистории, не признал штундистами подсудимых, называвших себя баптистами. Несколько раз, таким образом, Кони удавалось удержать «меч светский» от удара по живой совести, на которую обрушивался «меч духовный».

На ряду с работой на судебном поприще другой сферой практической деятельности, которой Кони отдал много сил, было его участие в законодательной работе. Еще задолго до того, как Кони был назначен членом преобразованного государственного совета, ему пришлось стать

участником большой законодательной работы, широко задуманной министром юстиции Н. В. Муравьевым. В качестве члена печальной памяти «муравьевской» комиссии для пересмотра законоположений по судебной части, или, как любил называть ее Кони, комиссии «об упразднении Судебных Уставов»,—он, как верный паладин Судебных Уставов, горячо отстаивал их от предпринятого против них похода. Назначенный председателем своего рода «суда над судом присяжных», образованного из старших председателей и прокуроров судебных палат, Кони блестяще руководил его заседаниями, приведшими к результату, который не порадовал противников суда присяжных. Огромным большинством голосов (18 против 2) совещание старших председателей и прокуроров судебных палат категорически высказало убеждение, что суд присяжных «представляет лучшую форму, какую можно только себе представить для разрешения большей части серьезных уголовных дел, особенно в тех случаях, когда тяжкое обвинение связано с тонкими уликами, требующими житейской вдумчивости». Конечно, при оценке этой резолюции не следует упускать из виду время, когда она была принята—время жестокой реакции, когда защита суда с присяжными заседателями была защитой общественности против подавлявшей ее бюрократии. Произнесенные в заседаниях особого совещания вступительная и заключительная речи Кони представляют собою одни из наиболее содержательных страниц в русской литературе о суде присяжных.

Менее, чем суду присяжных, посчастливилось в «муравьевской» комиссии другим устоям Судебных Уставов. Кони не ограничился устной их защитой, но свое отрицательное отношение к решениям комиссии запечатлел в целом ряде особых мнений. Он протестовал против задуманного комиссией слияния—при сохранении земских начальников—в одну иерархическую организацию мировых и общих судебных учреждений, против возложения на участковых судей производства предварительных следствий и расширения пределов полицейского дознания, против предпола-

авшейся окончательной отмены выборного мирового института, против предоставления права увольнения судей, помимо сената, консультации, учрежденной при министерстве юстиции, против установления процентного отношения евреев к общему составу присяжных поверенных.

Когда, в силу указа 12 декабря 1904 г., коим повелено было «устранить из ныне существующих о печати постановлений излишние стеснения», комитет министров поручил особому совещанию (так наз. комиссии Д. Ф. Кобеко) составить новый устав о печати, то в состав совещания был приглашен и А. Ф. Кони. Нечего и говорить о том, что Кони был в совещании сторонником явочного порядка возникновения периодических изданий, освобождения книг и брошюр от предварительной цензуры, отмены права администрации запрещать, по своему усмотрению, оглашения о любого рода обстоятельствах, установления исключительно судебного порядка ответственности за преступления печати. По всем этим вопросам им были произнесены речи, в которых точная осведомленность относительно действительного положения печати соединялась с убедительностью аргументов в пользу его изменения.

С преобразованием государственного совета согласно новым основным законам, Кони, будучи назначен членом совета, вступил окончательно на законодательное поприще. Особенно охотно он выступал по вопросам, от решения которых зависела правильная постановка правосудия. Он защищал существовавший обряд предания суду, когда была задумана его отмена, как гарантию против увлечения следственной и обвинительной властей, горячо возражал оказавшимся в государственном совете, как и в государственной думе, сторонникам сохранения института земских начальников, настаивал на расширении прав прокуратуры по возбуждению уголовного преследования против должностных лиц, доказывал необходимость прекращения «игры в прятки» с присяжными заседателями разрешением об'яснять им угрожающее подсудимому наказание, добивался увеличения содержания судебным чинам для того, чтобы вывести судей из состояния материального

оскудения и спасти суды от опасности морального оскудения, отстаивал проект введения условного досрочного освобождения, требуя, вопреки предложению министра юстиции, распространения его и на лиц, приговоренных к заключению в крепости, и даже—*horribile dictu!*—произнес большую речь в пользу допущения женщин в адвокатуру.

Другую серию речей Кони, в которых особенно чувствуется живое увлечение оратора рассматриваемой темой, составляют его речи по вопросам, касающимся свободы совести: о старообрядческих общинах, о переходе из одного вероисповедания в другое, об отмене ограничений, связанных с оставлением духовного сана. Во всех этих речах он решительно протестовал против соединения политики и веры, против «канцелярского законодательства» и против стремления связать законодательные учреждения в вопросах, имеющих отношение к вере, каноническими постановлениями, обязательными для духовного ведомства, а не для призванных к законодательству «обывателей».

Все речи Кони как по перечисленным, так и по другим вопросам отличаются прежде всего большою обстоятельностью, почти кропотливым рассмотрением всех возможных доводов за и против отстаиваемого мнения. При этом Кони, несмотря на свое положение члена государственного совета по назначению, всегда с полною независимостью высказывал свои убеждения. В период, когда увлечение правительственных сфер националистической политикой достигло своих крайних пределов, и когда в государственный совет поступил проект о распространении в широких пределах общеимперского законодательства на Финляндию, Кони квалифицировал проект, как меру, несущую за собой опасность для культуры и для благосостояния Финляндии и угрожающую отравить финский народ «ядом негодования». Когда в 1912 г. был проведен в порядке 87 ст. основных законов—и явно вопреки смыслу этой статьи—отвергнутый государственным советом законопроект о земстве в западных губерниях,

для чего сессия думы и совета была прервана на три дня, Кони подверг эту меру самовластного председателя совета министров решительному осуждению, как меру противозаконную, недопустимую, кроме того, не только по юридическим, но и по этическим соображениям, и унижительную для государственного совета, превращавшую последний в «простую декорацию», в «ненужное маховое колесо, которое вертится, не производя никакой полезной работы».

Как и другие речи Кони, его речи в верхней палате облекали богатое содержание в красиво отшлифованную форму. Сколько можно найти в них крылатых выражений, которые, вероятно, не раз повторялись и с трибуны и на страницах печати. Достаточно привести хотя бы только его отзывы о нашем дореволюционном законодательстве: в речи о старообрядческих общинах, проводя параллель между старческой болезнью артерий, вызывающею в них образование сгустков крови, и тем нездоровым состоянием законодательства, вследствие которого в нем образуются зловредные пробки, он говорил о «законодательном артериосклерозе»; в другой речи он применил к бывшему на рассмотрении государственного совета законопроекту об отмене ограничений, связанных с оставлением духовного сана, термин, заимствованный из психопатологии: «равновесие уменьшенных сил», ибо в нем было «всего понемногу и ничего коренного»; наконец, в речи о допущении воспитанников средних учебных заведений в университет он высказался так: «К нашему законодательству своеобразно применяется поговорка: *per aspera ad astra*». *Astra* достигаются очень редко и с тягостными усилиями, но *aspera* растут и множатся».

Уже речи Кони как судебные, так и по законодательным вопросам, будучи напечатаны, представляют собою ценные литературные произведения, но они составляют лишь меньшую половину того, что было написано Кони.

Кроме упомянутого выше «кандидатского рассуждения», Кони напечатал ряд статей в «Журнале Министерства

Юстиции», в «Юридической Летописи» и др. по вопросам законодательной и судебной политики. Все эти статьи носят на себе отпечаток, с одной стороны, широкой начитанности автора, с другой—его умудренности опытом. Особенно поучительны его статьи: «Общие черты судебной этики» (в «Вопрос. филос. и психолог.», 1902 г., янв.—февр.) и «Нравственные начала в уголовном процессе» (в «Журн. Мин. Юст.», 1902 г., № 1); статьи эти за исключением вступительной и заключительной частей, совпадают по содержанию.

В 1896 г. Кони собрал и выпустил в виде большой книги свои уже ранее печатавшиеся «Очерки и воспоминания». Это—том характеристик и биографий. Характеристики Кони составляют *chef d'oeuvre* литературы этого рода, но *chef d'oeuvre*, занимающий свое особое место.

Обычно достоинство характеристики видят в том, что она дает портрет, в котором, как живой, выступает образ оригинала. Как раз этого нельзя сказать о статьях Кони, вошедших в том «Очерков и воспоминаний»: в этих характеристиках, часто приуроченных к чествованию памяти того или другого лица, изображаемые лица не выступают, как живые, в непосредственной близости к читателю. Уже несколько приподнятым тоном своей речи Кони держит читателя на почтительном отдалении от того, о ком ведет свой рассказ. Его характеристики напоминают не столько портреты, сколько высеченные мастерскою рукой и воздвигнутые на пьедестал надгробные памятники: в них нет игры света и теней (последних автор обычно избегает), но зато есть выпуклость контуров, нет живости и разнообразия красок, зато есть четкость строгих линий.

Некоторым его характеристикам действительно присуща та черта, которая не раз отмечалась его критиками: панегирический тон, иногда заметное преувеличение заслуг того лица, о котором он пишет, но эта черта объясняется тем, что и в своих литературных произведениях он оставался тем, кем был на всех поприщах, на которых работал—общественным деятелем-просветителем. Он хотел,

как видно из приводимой им в одном случае цитаты из лекций Виктора Кузена, научить «удивляться» красоте или величию тех образов, которые он рисовал, и тем способствовать пробуждению и укреплению в читателях или слушателях идеалистических стремлений.

Дидактический характер вообще свойственен не только характеристикам, но и почти всем литературным произведениям Кони. Но его поучение не докучает; оно усваивается легко читателем, который то внутренне преклоняется перед святою памятью Гааза, то радуется красоте нравственного облика поэта-солнца, то чувствует себя глубоко растроганным рассказом Кони иногда о каком-нибудь совсем обыкновенном эпизоде. Вспомните заканчивающие том «Очерков и воспоминаний» Кони короткие выписки из дела судебного следователя, озаглавленные: «Пропавшая серьга». Это тоже поучение на тему о том, как следует быть осторожным в своих подозрениях и обвинениях. Попробуйте прочесть эти выписки вслух—вам придется сделать усилие, чтобы ваш голос не дрогнул, когда вы дойдете до последних строк.

В статье о кн. В. Ф. Одоевском Кони пред'являет такое требование к писателю, который хочет выполнить свою просветительную задачу: «В произведениях его должна сквозить его личность и каждое произведение должно быть откровением личной души автора». И вот в соответствии с этим требованием, в произведениях Кони чувствуется его глубокое, идущее из самых корней его личности стремление искать и в жизни, и в литературе, для себя и для своих читателей, уроков личной и общественной морали. В творениях Пушкина его прежде всего интересует нравоучительная сторона; он с любовью собирает и сводит в речи, произнесенной в 1899 г. в заседании академии наук, нравственно-житейские сентенции Пушкина и стихи, отражавшие его общественный идеал. В статье о Горбунове он раз'ясняет глубокий общественный смысл забавных горбуновских рассказов. В свое время Н. К. Михайловский («Последние сочинения», т. II) сердито упрекнул Кони за то, что он, без достаточных

к тому оснований, поставил Горбунова, просто веселого рассказчика, на пьедестал общественного деятеля. Может быть, Михайловский более прав в оценке Горбунова, чем Кони, но в таком случае статья Кони о Горбунове лишней раз свидетельствует о том, как неотступно преследовала самого Кони «просветительная задача», ради которой он вкладывает в рассказы-шутки Горбунова серьезное общественное значение, быть может не имевшееся в виду автором. От этого рассказы Горбунова, конечно, только выиграли: нам, не знавшим Горбунова, уже трудно при их чтении не видеть в них того идейного содержания, в наличии которого успел убедить нас Кони.

Уже приближаясь к пятидесятилетнему юбилею своей деятельности, Кони выпустил два тома своих воспоминаний под общим заглавием: «На жизненном пути», которые потом, —уже после революции—пополнились еще двумя томами. Это—увлекательнейшие книги среди произведений русской литературы за последние пятнадцать лет. Их нравится читать и еще более нравится перечитывать. В них, как и в «Очерках и воспоминаниях», много характеристик, но эти характеристики в большинстве случаев иначе написаны, часто (в I томе) набросаны. Если в «Очерках и воспоминаниях» слово Кони напоминает отточенный резец скульптора, высекающего из мрамора блестящие фигуры иногда выше натуральных размеров, то его изображения целой галереи лиц, о которых он рассказывает, вспоминая свои встречи «на жизненном пути», свидетельствуют о том, что он в совершенстве владел и искусством портретного письма.

В заключение этой очень краткой и неизбежно неполной характеристики произведений Кони еще несколько слов о его языке: Кони любит цитаты, —иногда не только любит, но и любуется ими, приводя одну и ту же цитату по несколько раз. Но это изобилие цитат никогда не кажется излишеством. Цитаты, всегда выбранные с большим вкусом, служат для Кони изысканным украшением, вделанным в блестящую оправу строгого стиля, в которую

Кони облекает свои мысли и наблюдения. Вы радуетесь, когда Кони напоминает вам уже однажды приведенную цитату.

Когда в 1915 г.—во время империалистической войны—праздновался юбилей Кони по случаю пятидесятилетия его служебной и литературной деятельности, то пишущий эти строки, на которого была возложена задача дать характеристику деятельности Кони в годичном общем собрании Московского Юридического Общества, только выразил общее отношение собравшихся к Кони и общее горячее пожелание, закончив свою речь словами:

«Кони уже 71 год, а он все еще остается на своем посту: принимает участие в работах государственного совета, комментирует устав уголовного судопроизводства, готовит для издания «Судебная Реформа» статью о прокуратуре. И теперь, как и прежде, интересы правосудия больше всего привлекают к себе его внимание. Прослужив им пятьдесят лет «без страха и упрека», он и теперь продолжает служить им, как «старый рыцарь». Хочется приложить к нему этот эпитет, составляющий заголовок одного недавно извлеченного из архивной пыли стихотворения Я. П. Полонского,—тем более, что и современный грозный момент, полный тревожных ожиданий, напоминает тот момент, который изображен в стихотворении Полонского: в темную, зловещую ночь старый рыцарь, облеченный в доспехи, спокойно остается наверху своей башни, «в мутном сизом тумане».

А молния блещет, а буря несется,
А море все в пене, сверкая, ревет».

«Как известно, говорит Кони, не только гениальные, но и высокоталантливые люди на Руси недолговечны». Мы думаем, что выразим отношение к Кони всех, кто знает его, если выскажем пожелание, чтобы он еще долго оставался исключением из рокового правила».

С тех пор, как были написаны предыдущие строки, прошло 12 лет. Пожелание, высказанное в них осуществилось: А. Ф. Кони умер в глубокой старости, 83 лет. И эти последние 12 лет, отмеренные ему судьбою, Кони прожил так, как он прожил всю свою жизнь, не изменяя своему чувству долга и не имея «момента, свободного от долга». Даже, когда болезнь приковывала его к постели, он продолжал работать, обдумывая выполнение принятых на себя обязательств, диктуя деловые письма, составляя планы намеченных чтений. В распоряжении автора настоящих строк есть немного (около десятка) писем, полученных от А. Фед-ча. Среди них нет ни одного, в котором он не сообщал бы о том, над чем он в данный момент работает, и что он еще мечтает выполнить.

Чуть ли не на другой день после Февральской Революции Кони набрасывает «Ближайшие задачи уголовного законодательства». И эта статья его должна войти в полное собрание его сочинений, как образец творчества не только вдумчивого, очень внимательного к требованиям жизни юриста, но и искусного стилиста, большого мастера метких и подчас едких характеристик. Нельзя было удачнее сказать, чем это сделал Кони, о состоянии нашего уголовного законодательства перед революцией, когда рядом с Уложением о нак. 1845 г. существовало Уголовное Уложение, утвержденное еще в 1903 г., но действовавшее только в худших своих частях. Это «новое уложение, по словам Кони, оказалось в положении подкидыша, не имеющего по закону наследственных прав, чтобы смело стать на место своего предшественника. Оно оказалось, вопреки своему назначению, каким-то теоретическим памятником юридического творчества, не имеющим никакого применения на практике среди обыденных явлений жизни. До сих пор приходится удовлетворяться применением, казалось бы, уже умершего уложения о наказаниях, от которого веет трупным разложением». — Не знаем, выразился ли кто-нибудь сильнее об Уложении о наказаниях в последующей литературе. — Останавливаясь затем на предположении ввести в действие Уголовное Уложение 1903 г.,

Кони высказывал опасение, как бы это Уложение не оказалось «в положении легендарного Рип-ван-Винкля, заснувшего много лет назад и не узнающего по своем пробуждении, что его когда то окружало и не умеющего дать ответа на многое, о чем его спрашивают». Это опасение дает Кони повод назвать те новые потребности, которым должно отвечать уголовное законодательство; при этом он одной фразой чрезвычайно метко определяет критерий нужности карательного воздействия: «где бездействует долг и молчит стыд, там ему по праву место». Этим уголовному закону отводится настоящее место в системе социальной мотивации, воздерживающей от преступления.

Февральская Революция вернула Кони к роли ответственного руководителя уголовной кассационной практики: он был назначен первоприсутствующим уголовного кассационного департамента Сената. Одновременно на него было возложено председательствование в «комиссии для восстановления основных положений Судебных Уставов и согласования их с происшедшей переменой в государственном устройстве».

Председательствование в Сенате не должно было требовать у Кони большого напряжения сил и потому, что заседания уголовного кассационного департамента были очень редки, так как текущая работа сосредоточивалась, главным образом, в отделениях департамента, и потому, что заседания департамента, в который в это время были назначены несколько профессоров, протекали спокойно, напоминая по характеру происходивших в них суждений, заседания Юридического Общества.

Гораздо труднее для Кони должно было быть руководство заседаниями в «комиссии для восстановления основных положений Судебных Уставов». Работы этой комиссии протекали в чрезвычайно быстром темпе; не вполне устойчивый состав комиссии не гарантировал от случайно принимаемых решений; самые вопросы вызывали иногда довольно резкое расхождение мнений; со стороны Кони

требовалось не мало такта для того, чтобы придать работам комиссии направление, соответствовавшее тем представлениям о надлежащем судоустройстве и судопроизводстве, которые у него выработались на основании его долгого опыта.

Неожиданную остроту в работах комиссии получил «женский вопрос»—вопрос об участии женщин в отправлении правосудия в качестве присяжных заседателей. Никто, кажется, в принципе не отрицал необходимости обеспечить такое участие, но, когда перешли к конкретной формулировке проекта закона, то настойчивое требование группы членов комиссии, чтобы между женщинами и мужчинами просто не делалось никакого различия в определении условий и порядка призыва к выполнению функций присяжных заседателей, встретилось с очень вескими указаниями Кони; он обратил внимание на то, что 80% населения России составляют крестьяне, место жительства которых почти никогда не совпадает с местом заседания суда, и что, следовательно, в огромном большинстве случаев женщине-крестьянке, вызванной в суд в качестве присяжной заседательницы, пришлось бы покидать приблизительно на две недели свой дом и свою семью, которая часто на ней только и держится. Большинство комиссии присоединилось к мнению, что было бы недостаточно осторожным в порядке указном, актом временного правительства, возложить на женщин вовсе нелегкую повинность, не зная, какого на этот счет мнения придерживаются женщины-крестьянки и женщины-работницы, которые при существовании нормальных органов законодательства могли бы выразить свое отношение к вопросу через своих представителей или представительниц в законодательном собрании. В результате очень страстных прений был принят, по предложению Кони, проект временного закона (до общего, в нормальном порядке, пересмотра судебного законодательства), согласно которому в общие списки присяжных заседателей на тех же основаниях, что и мужчины, должны были вноситься те лица женского пола, которые заявят подлежащему

органу о своем желании быть включенными в общие списки ¹⁾).

Октябрьская Революция пресекла деятельность очень многих из тех, кто до революции занимал одинаковое с А. Ф. Кони положение; они не нашли для своих сил применения в новой обстановке. Не таков Кони: устраненный с судебного поприща, он перенес свою деятельность в другую область — область преподавания, и отдался этой деятельности, без преувеличения, с молодым увлечением.

Нельзя без удивления перечитывать его письмо, присланное автору настоящих строк в конце декабря 1919 г.: «Профессуре я отдался всемерно. Читаю в Институте Живого Слова (очень интересное и своеобразное учреждение) курс «прикладной этики» и курс «истории и теории искусства речи» (6 лекций в неделю); в Университете — «уголовное судопроизводство» (4 лекции в неделю) или, по новой терминологии, «судебную деятельность государства»; в «Железнодорожном Университете» — 2 лекции «этики общежития»; кроме того, читаю серию лекций в «Музее Города» и выступаю иногда публично с благотворительными целями. Так, еще вчера читал я в пользу бедствующих писателей о Достоевском. Наконец, в Институте Живого Слова по воскресеньям днем я устраиваю практические занятия в ораторских упражнениях по судебным и политическим вопросам, при чем обнаруживаются недоюжинные молодые таланты».

Такое бремя работы и для молодых сил было бы нелегко, а Кони, не жалуясь на обремененность, писал: «Меня

¹⁾ Как известно, советское законодательство не придерживается начала формального равенства мужчин и женщин, учитывая особенности женщины в семье и хозяйстве. В советском законодательстве среди норм, определяющих порядок призыва народных заседателей, нет нормы, которая предоставляла бы женщинам право отказа от выполнения обязанности народного заседателя, но это потому, конечно, что самый порядок избрания народных заседателей вполне гарантирует учет всех индивидуальных особенностей кандидатов и их положения (см. гл. III Пол. о суд.).

эти занятия очень увлекают, а отношение ко мне молодежи меня очень трогает».

«И какая странная игра судьбы, прибавлял далее Ан. Ф.—ч, 54 года назад я был оставлен Московским Университетом по кафедре уголовного права. Обстоятельства заставили уйти с этой дороги и прослужить, трудно и настойчиво, не сходя с судейского пути, 53 года, и вот судьба меня возвращает на кафедру. Этого мало: когда после 9-летней опалы за то, что по делу Засулич я был слугою правосудия, а не лакеем правительства, я был, наконец, назначен обер-прокурором, Александр III в зале Аничкова дворца (ныне Музея Города) в грубых и резких выражениях высказал мне о «тягостном воспоминании о неприятном впечатлении, произведенном на него образом действий по делу Засулич»,—а ныне в этой самой зале я читаю лекции собравшимся учителям, и весь порядок вещей, олицетворявшийся Александром III, и основанный на нем «образ действий» канул, надеюсь, в вечность».

Уже окончив письмо, Ан. Фед.—ч на полях приписывает: «Профессура так меня завлекает, что я даже не хотел бы вернуться в судебную деятельность».

В 1922 г. Ан. Фед. был вынужден оставить преподавание в Ленинградском Университете, но еще через два года—в письме от 21 июня 1924 г.—он мне писал: «Мне до сих пор больно об этом вспомнить».

Упоминание о деле Веры Засулич дает повод остановиться на одном моменте, требующем разъяснения. После того, как по делу Веры Засулич был вынесен оправдательный вердикт, один из присутствовавших в зале суда сановников, подойдя к Кони, сказал ему: «Это самый счастливый день в истории русского правосудия», на что Кони ему ответил: «Вы ошибаетесь, это самый печальный день в истории русского правосудия». Кони, наверно, не подозревал, что найдутся читатели, которые вложат в его слова дурной смысл. А такие читатели нашлись; слова Кони были истолкованы, как неодобрительный отзыв о вердикте присяжных заседателей. Какой—позволим себе

выразиться резко—абсурд! Если бы слова Ан. Ф—ча имели тот смысл, который им придали злые языки, то как можно было бы объяснить, что весь эпизод стал известен со слов самого Ан. Фед—ча, который всегда выступал, как горячий и убежденный сторонник суда с присяжными заседателями, и которого дело Веры Засулич не заставило изменить своего отношения к нему. Беря под свою защиту присяжных заседателей и доказывая, как поспешны бывают огульные нападки на оправдательные вердикты присяжных заседателей, Кони в виде примера выбирает именно дело Веры Засулич. В своих «Воспоминаниях судебного деятеля» он пишет: «Их (присяжных заседателей) упрекали иногда также в том, что они признают извинительным покушение на убийство, когда мотивом к нему послужило желание подсудимого обратить внимание общественного мнения на какие либо вопиющие поступки власть имущих. Достаточно вспомнить нарекания присяжных по поводу дела Веры Засулич, когда один лишь ленивый не бросал в них не только камнями, но, по выражению автора, «Былого и Дум» даже целою мостовою» («Русская Старина», 1914 г., февр.).

Конечно, вызвавшие недоразумение слова Кони выражали только его страх за судьбу суда с присяжными заседателями: день суда над Верой Засулич был несчастным днем для отечественного правосудия в том смысле, что с этого дня должны были обрушиться и действительно посыпались один за другим удары со стороны самодержавной власти на дорогой Ан. Фед—чу институт. Когда три-четыре года тому назад автором настоящих строк был прямо поставлен Ан. Фед—чу вопрос, что значили его слова о самом несчастном дне в истории русского правосудия, он был крайне изумлен возможностью какого-либо иного понимания их значения, чем то, которое выше приведено.

Теперь мы имеем и интересное свидетельство о причине «снятия опалы» с Кони и возвращения его к любимой работе в уголовном суде: в опубликованном в 1923 г. сборнике «К. П. Победоносцев и его корреспонденты»

напечатано письмо Александра III, который, получив предостерегающее (очевидно, запоздалое) письмо Победоносцева, оправдывался: «Я протестовал против этого назначения (т.-е. назначения Кони на пост обер-прокурора), но Набоков (министр юстиции) уверяет, что Кони на теперешнем месте несменяем, тогда как обер-прокурором, при первой же неловкости или недобросовестности, может быть удален с своего места». Итак с Кони «сняли опалу» лишь для того, чтобы иметь возможность свободно распорядиться им.

Годы шли... Изменилось и поблекло лицо Кони, изменяли ему физические силы, но дух оставался поразительно деятельным: он продолжал неустанно работать. С большим бедром и укороченною ногою, вызывая невольное сострадание видом тех усилий, которые он делал при передвижении, Кони продолжал появляться в аудиториях, читая лекции и доклады, и даже в самые последние годы наезжал в Москву для публичных выступлений и при этом никогда не терял бодрости и присутствия духа. Когда, однажды, после того, как Ан. Ф—ч, опираясь одновременно на палку и на провожавшего, кое-как поднялся на 4-й этаж в помещение редакции журнала «Право и Жизнь», кто-то выразил ему свое соболезнование, он с живым юмором рассказал, как в свое время на предупреждение знаменитого хирурга Склифасофского, что нога у него останется навсегда укороченной, он ответил: «ну что же, значит, буду со всеми на короткой ноге».

Из рассказов Кони о его работе за последние годы запомнились два эпизода; оба относились к его преподавательской деятельности. Один он передавал с чувством большого удовлетворения, другой — не без некоторой горечи.

Однажды (очевидно, это было в одном из первых годов после Октябрьского переворота) ему пришлось читать лекцию по искусству перед аудиторией, состоявшей из двух человек; оба были матросы с суровыми лицами. Кони приложил все усилия, чтобы передать им красоту Сикстинской Мадонны и заставить их понять, как оскудела бы

жизнь, если отнять у неё радость, которая даётся искусством. Оба матроса слушали с напряженным вниманием, а когда лекция была закончена, один из них подошел к Кони, потряс ему руку и сказал: «Спасибо, отец».

Другой эпизод относится к более позднему времени — к 23-му или к 24-му году. Одно из учебных заведений, в которых преподавал Кони (помнится, Институт Слова), было предназначено к закрытию, как требовавшее от государства средств, которые правительство было вынуждено экономить. Однако, по настойчивому ходатайству преподавательской корпорации учебное заведение было сохранено на «хозрасчете» после того, как преподаватели выразили согласие читать лекции, если понадобится, даже бесплатно; в числе профессоров, выразивших согласие на бесплатную работу, был и Кони. После того, как Кони была прочитана часть лекций, руководителем учреждения было сообщено ему, что, в виду значительного поступления слушателей на курсы, материальное состояние курсов оказалось настолько благополучным, что он имеет получить гонорар за прочитанные лекции. Действительно, гонорар был выдан из расчета... по 50 коп. за час.

Выше было отмечено, что во всей своей общественной деятельности Кони был прежде всего просветителем, и что всем его произведениям в известной мере свойственен дидактический характер. Педагогическая работа была не в меньшей, может быть, еще в большей мере его призванием, чем судебная деятельность. В этом отношении он остался верен себе буквально до последних минут своей жизни. В его бреду среди уже несвязных фраз присутствующие улавливали слова: «Воспитание, воспитание. Вылощенный человек не то, что воспитанный»¹⁾.

Когда три года тому назад состоялось чествование Кони по случаю его восьмидесятилетия, все—самые различные круги общества—об'единились в выражении своего глубокого уважения к нему, в признании его жизненного

¹⁾ Позволяем себе сообщить эту подробность со слов одного из наиболее преданных почитателей А. Ф. Кони.

подвига. Всегда скромный в самооценке, ставивший себе в заслугу лишь одно: то, что ему никто не мог бы бросить евангельского упрека: «раб ленивый и лукавый», Кони по поводу его чествования высказывал убеждение, что то одушевление, которым оно отличалось, должно быть отнесено не на счет свойств его личности и деятельности, а на счет того символического значения—быть может, не одинакового для разных кругов,—которое получило его имя. И действительно, Кони вырос в глазах общества в символическую фигуру; его можно оценивать по-разному, но в одном понимании значения имени Кони сойдутся все: Кони родился через пять лет после смерти Пушкина, Кони близко знал Гончарова, который встречал Пушкина; от нас через Кони рукой подать до Пушкина, конечно, не потому только, что Кони долго жил, а потому, что то расстояние, которое нас отделяет от Кони, он заполнил не одним лишь рядом лет, но и духовным содержанием своей жизни; Кони не только черпал и донес до нас духовные ценности из сокровищницы Пушкина и его плеяды, но, пережив ряд поколений, он от каждого поколения брал и передавал следующему то, что вмещала в себя его богато одаренная личность; он шел в ногу с неизменно растущей и развивающейся культурой, поспешая за нею и всегда связывая только что отошедшее прошлое с настоящим; поэтому, и не было такого времени, когда для Кони не было бы места; Кони—символ преемственности культуры, не останавливающейся в своем поступательном движении. Над могилой Кони сам собою напрашивается возглас: Кони умер,—да здравствует та культура,—культура ума и сердца, которой он служил с такою преданностью, таким напряжением духовных сил и с такою верою в ее торжество.

Идеолог „справедливого“ права.

Смерть Анатолия Федоровича Кони с редкой силой и четкостью воскресила в сознании русского общества его живой и благородный образ, временно затененный и как бы сдвинутый с его жизненного поста грандиозными событиями последних лет, завершившихся под знаком красного Октября. Этот образ явился нам, как яркое и незабываемое напоминание об одной из самых замечательных эпох русской жизни второй половины XIX и первой четверти XX столетий, начиная ее историческим «накануне» с последующим периодом целого цикла «освободительных» реформ, острыми изломами реакции и кончая заключительными бурными взлетами двух революций. В самом деле, 83-летний «жизненный путь» Кони красиво развернулся на широком пространстве меж двух величайших вершин русского национального гения, Пушкина и Л. Толстого, кульминирующих предельные достижения творческой русской культуры, озарившей своим светочем «старый» и «новый» мир.

Имя Кони тесно, неотделимо сплелось, в блестящем созвездии, с именами его великих современников — Щепкина, Тургенева, Гончарова, Некрасова, Достоевского, Толстого, кончая Чеховым и Короленко, не говоря уже о целой плеяде самых выдающихся ученых и общественных деятелей. Но среди этих «избранных» не померкла «звезда» самого А. Ф. Кони и он занял среди них свое самостоятельное место на правовом посту, место апологета этических основ права и правосудия. В этом своем качестве Кони явился едва ли не самым ориги-

нальным и выдающимся деятелем дореволюционной эпохи, деятелем исключительно высокой интеллигенции, не только художественно и проникновенно запечатлевшим вечные образы близких ему современников в целой «портретной» галерее мастерской кисти и единственных в своем роде «воспоминаниях», но и заявившим себя творцом новых ценностей на широком поприще его многоликой и неутомимо-длительной деятельности. Юрист по образованию и призванию, вместе с семейными традициями воспринявший глубокие влияния изысканного литературного и артистического мира и сам первоклассный художник слова, Кони в сфере своего общественного служения, как дела всей своей жизни, выступает перед нами в образе античного «учителя», философа-мудреца, нового Сократа, человека великой совести, поставившего проблему права, как этическую проблему о «справедливом» праве и основах истинного социального правосудия. Недаром в чертах лица А. Ф. было что-то «сократическое». И в этом центральном фокусе духовного облика Кони как бы еще раз преломилась одна из направляющих директив взыскующей мысли его эпохи. Глубочайшего источника этих характерных для Кони настроений мы должны искать в идейных влияниях ранней поры его жизни. Ученик Крылова, Чичерина, Соловьева, Кони, на суденческой скамье в стенах Московского университета, где еще живы были «заветы» и память Грановского, восприимчивый последние предания и веяния идеалистической идеологии 40-х гг. и глубоко запечатлел их в своем сердце. С ними вступил он на путь своего публичного служения, всецело отдавшись призывам «благодатного времени надежд» эпохи либеральных реформ. Именно в этот период в Кони окончательно сложился и вырос стойкий общественный деятель с редким благородством души, твердой поступью, без оглядки, свершивший свой долгий, долгий жизненный путь, всегда устремленный вперед. Не случайно, поэтому, общественное признание дважды торжественно увенчало почившего ныне великого старца на его жизненном пути высоко почетными лаврами.

И условия, при которых это произошло, заслуживают того, чтобы быть отмеченными. Хотя академическая карьера А. Ф. и порвалась в самом своем начале (1866), по причинам независящим от молодого талантливому юриста, и он решительно вступил на путь практического служения, однако его научные заслуги нашли свое достойное признание. В 1890 г. Харьковский университет поднес ему *honoris causa* ученую степень доктора уголовного права, избрав вслед за тем, вместе с Московским университетом, в свои почетные члены. Так, не занимая положения официального ученого, Кони — в качестве судебного деятеля и криминалиста высокой эрудиции — получает вполне заслуженную квалификацию, как выдающийся и авторитетный ученый правовед, имя которого известно далеко за пределами нашего Союза. Проходит много лет и новая столь же знаменательная манифестация озаряет новым ореолом имя Кони. Не принадлежа к профессиональным литераторам, но стяжав себе подлинную славу, как перво-классный оратор и такой же несравненный и тонкий художник-мемуарист, перу которого принадлежит целый ряд образцовых этюдов-воспоминаний и портретов-характеристик, отобразивших в себе целую эпоху с ее наиболее выдающимися деятелями — А. Ф. в 1896 г. без баллотировки был избран в числе первых почетных членов Академии Наук по разряду «изящной словесности», а в 1900 г. — почетным академиком. Излишне было бы перечислять целый ряд других почетных званий, поднесенных А. Ф. в разное время, как от лица судебных установлений, так и различных ученых и иных обществ (СПБ и Моск. юридических, Военно-медицин. академии, О-ва любителей рос. словесности и т. п.). Во всех этих фактах нельзя не видеть, действительно, всеобщего признания неоспоримых выдающихся заслуг незабвенного стойкого поборника идеи права и социальной справедливости. Эта атмосфера высокого почета и неподдельного преклонения перед именем и живой личностью Кони, сложившаяся среди широких кругов дореволюционного общества и нашедшая открытое признание в посмертных напутствиях руководящих органов

печати наших дней ¹⁾, тем более знаменательна, что она окружала человека, облеченного в ведомственный мундир, казалось, поставленного *ex officio* на страже той самой «законности», «государственности» и «правосудия» в резко отрицательной оценке которых — за редкими «светлыми промежутками», как напр., эпохи введения новых «Судебных Уставов», — единодушно сошлись наиболее сознательные и прогрессивные элементы русской общественности, как в период пореформенной реакции, так и последующей революционной эпохи. В самом деле, стоит только взглянуть в послужной формуляр Кони, чтобы перед нами обозначилась фигура видного и даже высокопоставленного «бюрократа», начавшего свою служебную карьеру по судебному ведомству, которому он целиком посвятил лучшие силы и годы своей жизни, сначала в звании секретаря при прокуроре московской судебной палаты, а затем последовательно прошедшего все инстанции прокуратуры включительно до обер-прокурора уголовного департамента Сената, лишь временами покидая свой основной пост для кресла, то председателя окружного суда и гражданского департамента судебной палаты, то сенатора и, наконец, члена верхней палаты по назначению. Однако вся эта внешняя сторона карьеры Кони стирается, совершенно теряя свое условно-официозное значение, перед подлинным подвигом его жизни. Более того, сила обаяния образа Кони возрастает еще более под влиянием того резкого контраста, какой представляет его личность и та официальная позиция, которую сознательно занял он, ступив на судебное поприще в момент, когда — по его словам — на нашем «горизонте взошло солнце Судебных Уставов». Мы должны особенно подчеркнуть в данном случае последнее обстоятельство, т. е. то, что, именно, через двери судебной реформы 1864 г., в основу которой были положены лучшие для того времени, можно сказать, даже «революционные» принципы нового права,

¹⁾ См., напр. статью С. Грузенберга «Рыцарь права» в «Известиях» от 18 сен. 1927 г.

Кони впервые вступил в судебный зал, а затем занял и руководящие инстанции судебного ведомства. И в высшей степени характерно для него, что, несмотря на то, что его усиленно привлекали в адвокатуру, в ряды нового свободного «сословия» правозаступников, Кони все же предпочел путь прокуратуры. И выбор А. Ф. был совершенно сознательным. В его глазах это был лучший путь утверждения и охраны нового права, его новых основ, в самом, так сказать, его «святилище» и при том в те моменты его бытия, когда формальная норма закона претворяется в живое, действенное право и становится ответственным актом правосудия. Кони отлично понимал (по его собственным словам) всю опасность вливания «нового вина» в «старые мехи». И он стал «на страже!» Кони-прокурор — это как бы жрец новой Немезиды, подлинный «нелицеприятный» судья, и в этом смысле настоящий право-заступник, лучший проводник нового закона. Его прокурорская речь нередко звучит, как горячая защита для падшего и как тяжкое обвинение — пусть это будет даже сама государственная власть — для тех, кто толкнул виновного *de jure* на путь «злой воли», приводящей к роковой «драме» или неустранимому «несчастью», как обычно квалифицировал в своих речах А. Ф. самое «преступное деяние». Таким образом Кони ясно сознавал всю важность в момент нового правового строительства, при явных колебаниях власти и ее застарелых навыках прошлого, занятия командующей позиции авторитетного представителя этой власти, которой — как подчеркивал он — не было в руках присяжной «защиты». Он видел, что настоящая опасность новым правовым началам грозит, именно, отсюда, — «сверху», и, в своем лице, он превратил кафедру прокурора и обер-прокурорские сентенции в мощный рычаг «высшего» правосудия, в боевой окоп, защитные средства которого были обращены прежде всего внутрь той самой цитадели, где засела своекорыстная каста, наглухо замкнувшейся в своем «футляре», подлинной «правительствующей» бюрократии. И Кони действительно возвел на исключительную высоту свое

служение идее права и делу правосудия, став вождем и учителем нового поколения юристов. «Быть слугою, а не лакеем правосудия» — таков был его строгий завет, оставленный им молодым кадрам судебных деятелей первого призыва в годовщину крушения «неправды черной», веками тяготевшей над страной, заклеянной тяжким «иглом рабства» подавленных ее трудовых масс. Великий гуманист, начавший свое жизненное служение под руководством не менее благородного деятеля переходной эпохи Д. А. Ровинского, столь близкого ему по духу и общему облику, Кони, оставаясь все время «коронным» должностным лицом, по существу, является настоящим общественником, живым голосом общественной совести, которой он никогда не смешивал с «колеблющимся» — по его словам — так называемым «общественным мнением». Человек aus einem Guss, высокой моральной настроенности, прямой и цельный, с твердо поставленной волей и сознанием долга, А. Ф. естественно должен был занять на своем сторожевом посту положение перманентной «оппозиции его величества», говоря парламентским языком. Далекий всякой революционности, Кони был настоящим — так трудно обойти это слово — «рыцерам без страха и упрека», крестоносцем права, с редким достоинством и непреклонной независимостью умевшим отстаивать то, что он считал, по своему разумению, долгу и совести, непреложным и соответствующим тому «нравственному идеалу», во главу угла которого он полагал ничем не погашаемое «уважение к человеческому достоинству». Поэтому, понятно, что с первых же шагов своей самостоятельной деятельности, Кони должен был явиться живой угрозой «существующему строю», будучи горячим поборником дальнейшего развития и утверждения новых начал общественности. Уже его кандидатская работа «О необходимой обороне», знаменательная по выбору самой темы, где молодой ученый высказывался за «неприкосновенность» домашнего очага и правомерность обороны против незаконных действий и актов власти (ареста), вызвала целую бурю в «сферах», гро-

жившую одно время серьезной карой дерзкому аспиранту на ученое звание и закончившуюся воспрещением распространения и перепечатки опасного «рассуждения», впервые опубликованного в университетских ученых «Известиях». Однако ни угрозы, ни келейное давление свыше не могли сломить убежденного борца за право. Характерно, что когда разгневанный министр Делянов задал вопрос молодому автору: «Как можно писать такие вещи»? Кони твердо ответил: «Можно и должно», а когда затем узнал о запрещении перепечатки его книги, то спокойно заявил, что будет ждать «лучших времен», когда его труд сможет получить свободное распространение. И это был далеко не единственный случай подобных выступлений А. Ф. Достаточно привести на память хотя бы громкое дело Засулич. Нужно было действительно обладать подлинным гражданским мужеством и стойкостью Кони, чтобы в политическом процессе 70-х гг., в разгар революционного народничества, по делу исторического выстрела Веры Засулич — произнести председательское резюме послужившее основанием для оправдания «террористки»... а вместе с тем и поводом для отстранения самого Кони от уголовной юстиции в виде почетной ссылки его в гражданский департамент судебной палаты. Но все эти удары, наносимые из-за угла рукой врага, не смевшего напасть открыто на уверенного в себе противника, не могли поколебать твердой поступи того, кто всегда служил не лицам, а раз усвоенным принципам. И Кони неустанно и твердо вел свою линию, не зная компромиссов с совестью. Всю жизнь он вел борьбу за новый суд и основные принципы «Судебных Уставов» 64 г., которые — по его словам — «были призваны и оживить и облагородить наш общественный строй». И он подчеркивал при этом всегда и неизменно, что введение «Судебных Уставов» не только представляет факт огромного значения, как школа для воспитания нового поколения юристов и поворотный момент в судьбах русского правосудия, но и как общественное явление первостепенной важности. В институте суда присяжных он видел орган «высшего суда — суда

общественной совести», и вместе с тем мощный «проводник народного правосознания». Поэтому, он не устал взывать к широкому «доверию к народным силам», повторяя, что «перед судом Судебных Уставов нет богатых и бедных, сильных и слабых», чему он сам был лучшим примером ¹⁾. Вот почему для Кони судебная деятельность была всегда высоким актом «общественного служения», и он всегда проводил резкую разграничительную черту между чиновником-слугой, «бездушным исполнителем» формального закона, в глазах которого подсудимый лишь очередной «№ дела, погребенный под грудой бумаг», и служителем общественного правосудия, смотрящим на обвиняемого прежде всего, как на человека, что в устах А. Ф. отнюдь не было простой «губной фразой», по выражению Горация. И Кони весь отдавался этому служению, ополчаясь с особенной энергией на оборону дорогих ему начал, когда наступили времена «членовредительства» и злобных «нареканий на реформу». В этом смысле можно было бы сказать, что вся жизнь Кони была непрестанной «необходимой обороной» общественных основ нового суда. И эта оборона становится тем энергичнее, чем сильнее идет атака реакционной клики. Мы видим в этот период А. Ф. столь же деятельным и неутомимым участником разного рода «особых совещаний» и специальных комиссий по «искажению» и «упразднению» судебных уставов, и всюду и везде он смело, с открытым забралом, отстаивает лучшие «заветы» недавнего прошлого, успешно борясь в целом ряде случаев с попытками извращения демократических

¹⁾ Здесь было бы уместно вспомнить о тех выступлениях Кони, когда в условиях царского режима и в пору злой реакции — он смело пользовался своими прокурорскими полномочиями, «не боясь лица сильного», как это было, напр., в случаях привлечения к уголовной ответственности властных представителей крупного капитала или лиц, близких придворным сферам. С такой же открытой независимостью возвышал впоследствии свой голос Кони и в качестве члена «конституционного» Гос. Совета, резко протестуя против незаконных актов верховной власти (напр., по поводу проведения по 87 ст. положения о земствах в западном крае).

основ реформы. Именно потому, что Кони стоял в самом центре государственного здания «старого режима», ему лучше, чем кому бы то ни было, было ясно, что за «блестящим фасадом государственного устройства (по его словам) гнездились убожество, всяческая нищета и бессилие и копошились болезнетворные начала своекорыстия, насилия и продажности». Поэтому, он особенно остро ощущал «отсутствие здоровой политической жизни» в эпоху, когда так настойчиво «подавлялись всякие проявления правосознания и самодеятельности в обществе». Будучи горячим сторонником этих гонимых начал, Кони в то же время являлся их живым воплощением и неустанным пропагандистом, но никогда не позволял себе малодушно прятаться за пресловутым «блестящим фасадом» официального убожества. В тех случаях, когда оно торжествовало, он решительно отказывал ему в санкции своего имени и порывал свои должностные связи. Так было, напр., в 1910 г., когда он покинул «кассационный департамент», убедившись, что роль Сената, как призванного хранителя «нелицеприятного правосудия», бенедежно искривлена, а, следовательно, ему там более нет и не может быть места. Никакие лицемерные ссылки на формальную «законность» не могли обмануть Кони, для которого всегда — как любил он повторять — «истинная справедливость выше формального закона». В этой чеканной формуле, по существу, заключено основное учение Кони о праве и правосудии, проходящее красной нитью через все его теоретические построения и рассуждения юриста-практика. И совершенно очевидно, что именно здесь кроется также и источник неотразимого нравственного обаяния его личности и его импонирующего авторитета, как судебного деятеля, явившего собой живое воплощение гуманных принципов «Судебных Уставов», впервые провозгласивших в России, столь дорогие Кони, начала «суда скорого и милостивого», «суда совести». Тонкий и глубокий психолог, воистину сердцеведец, натура этически-чуткая, с богатейшей художественной интуицией и уравновешенным умом мудреца — Кони

целостно, всем существом воспринимал жизнь и человека. Не даром при составлении своих судебных речей Кони, по его собственному признанию, «мыслил образами», как художник. «Они иногда возникали передо мною с такой силой—говорит он,—что я как бы присутствовал невидимым свидетелем при совершении преступления». Отсюда живая правда и покоряющая «убедительность» его речей. Понятно, что при таких условиях поклонение фетишу «права», бездушной юридической норме, «букве» закона под громким титулом *summa ius* было органически неприемлемо для А. Ф. Он понимал, что слепое преклонение перед так наз. «объективным» правом роковым образом должно привести в условиях времени к *summa iniuria* и он хотел, поэтому, сорвать лживую повязку с глаз исторической Немезиды.

В противоположность большинству буржуазных юристов, так рано и заслуженно стяжавших себе славу «böse Christen» и так тщательно обычно размежевывающих сферы «права и морали», А. Ф. Кони, напротив, в основу своего учения о так называемом «справедливом» праве положил идею о том, что «право и нравственность не суть чуждые или противоположные одно другому понятия». «В сущности (говорил он) источник у них общий... Отсюда,—связь правовых воззрений с нравственными идеалами. Чем она тесней, тем больше обеспечено и разумное развитие общества. Напротив, где справедливость и правосудие не сливаются в единое понятие, там общественный быт поколеблен в своих нравственных основаниях». И вся жизнь Кони *de facto* была борьбой за реализацию этой его руководящей идеи. Он не устает ее повторять и, наконец, сообщает ей прямо каноническую формулировку, воспроизводя не раз почти дословно в своих литературных выступлениях и стремясь придать ей особую популярность. Наиболее сжатое и цельное выражение этого своего *profession de foi* Кони дает нам сначала в этюде, посвященном памяти А. И. Чупрова (1908 г.), а затем почти целиком переносит его в статью «Политические взгляды Пушкина» (1922 г.), не оговаривая, впрочем, своих соб-

ственных цитат. Мы остановимся, поэтому, главным образом на этих его высказываниях.

Кони, конечно, ясно видел все органические пороки современного ему классового общества и отлично понимал всю вопиющую неправду формальной непререкаемости положительного закона и правосудия, *juris stricti et juris dicti*. Вот почему он так горячо настаивал на том, что правосудие отнюдь не исчерпывается голой «правомерностью», но должно быть базировано на «нравственном законе», принципе «справедливости», ориентирующей человека в условиях его быта и всего сложного комплекса житейской обстановки и переплетающихся окружающих влияний. Вместо фарисейского буржуазного «равноправия» он выставлял моральный принцип *suum cuique*. Судебный деятель—по его словам—таким образом должен «стремиться к осуществлению нравственного закона», в поле его зрения должен быть всегда «живой человек». При таких условиях его суждения, как и определения законодателя, будут «тем выше, чем глубже он всматривается в жизненную правду людских потребностей и возможностей», и «чем больше в нем живого, а не формального отношения к личности человека». Именно так понимал Кони «чувство истинной справедливости», которое он мыслил обязательным «и для законодателя и для судьи», и которое он видел «в умении поставить себя на место другого и понять его чувства в том или другом положении»... «Как бы ни было различно общественное положение судьи сравнительно с положением тех,—говорил Кони,—кого он призывает перед свой суд, как бы ни считал он себя безупречным не только в формальном, но и в нравственном отношении, в его душе должно, как живое напоминание о связи со всем окружающим миром, звучать—это тоже ты¹⁾—ты в падении, ты в несчастьи, ты в невежестве, нищете и заблуждении, ты в руках страсти». «Вот почему (добавляет он) наряду со служебным долгом судебного деятеля вырастает его нравственный долг», который «пред-

¹⁾ Курсив Кони.

писывает ему никогда не забывать, что объектом труда этого деятеля является, прежде всего, человек, имеющий никем и ничем неотъемлемое право на уважение к своему человеческому достоинству». Выставляя столь высокие требования, Кони ясно сознавал при этом, что образ изображаемого им судебного «деятеля» в общем весьма далек реальной действительности, и что к ней гораздо ближе те авгуры «правосудия», которые так ярко зарисованы в известных сценах толстовского «Воскресенья». И он сам любил приводить, и не только в качестве исторической иллюстрации, знаменитые слова Фигаро, обращенные им к судье: «Я рассчитываю на вашу справедливость, хотя вы и служите правосудию». Но все же сознание это не могло истребить в Кони глубочайшей веры в человека, хранящего в тайниках своей души вечно живое «даймонион». Кони, действительно, непоколебимо верил в добрые свойства нравственного существа человека, заложенные в нем самой его природой, как существа социального, и лишь искаженные или подавленные в нем условиями исторической общественной среды. Это доброе семя «нравственного закона», присущего социальной природе человека, не истребимо в нем и является той естественной предпосылкой, на которой—в конечном счете—при изменившихся условиях, должна восторжествовать «вечная справедливость». Лишь с освобождением человеческой личности от подавляющих ее условий жизни, где «человек человеку—волк», утвердится, наконец, всемирное братство—как верил Кони—и восторжествует та «святая вольность», предносившаяся в мечтах великому русскому поэту, когда—по словам А. Ф.—«свобода, построенная на уважении к правам личности и на признании прав организованной совокупности личностей», положит конец вечной социальной драме, и в каждом «живом человеке» будет навсегда признан, по его прекрасному выражению, «брат по человечеству, товарищ в общем мировом существовании». Но как бы ни был еще далек от нас этот возвышенный идеал и как бы ни был труден путь к нему, Кони никогда не

терял своей веры в него, так как верил в человека: «ибо—говорил он—нет такого падшего преступного человека, в котором безвозвратно был бы затемнен человеческий образ и по отношению к которому не было бы места слову «снохождения», и, следовательно, и надежды на его нравственное возрождение. И веря в нравственную природу человека, Кони именно в этом смысле говорил о «вечных» нравственных законах, о вечном человеческом, что живет и действительно выявляет себя в человеке, как голос его живой совести. Эта совесть и является источником той «справедливости, которая выражается в правосудии», как выразился Кони, заканчивая одну из своих обвинительных речей. Отсюда вытекает и основной тезис его практической философии, гласящий, что «в деятельности судьи должны сливаться правовые и нравственные требования, чтобы он не был простым орудием внешних правил, действующих с безучастною регулярностью часового механизма». Кони требовал, поэтому, всегда и во всем «живого представления о живом». Судья, которому дано право «вязать и разрешать», в руках которого находится судьба, а иногда и самая жизнь человека, «должен вносить—по словам Кони—в творимое им дело свою душу и на ряду с предписаниями положительного закона руководиться безусловными и вечными требованиями человеческого духа», из которого—по его убеждению—и «вытекает справедливое отношение к человеку, выражающееся (как любил повторять А. Ф.) в сознательном и беспристрастном поставлении себя на его место». И поскольку судья «служит обществу», «это служение,—говорил Кони,—только тогда будет полезным, когда в него будет внесена строгая нравственная дисциплина».

Так из нравственной «природы» человека Кони выводил «нравственный закон» справедливости или живой закон человеческой совести, который и повелевает человеку поставлять себя на место своего «ближнего» при всякой попытке ответственной оценки его деяний. Во имя этого нравственного закона он без-

условно, как мы видели, подчинил акты воли, как самого законодателя, так и служителя правосудия, принципу «справедливости». Но подобно тому, как для него правосудие не исчерпывалось одной правомерностью, так и принцип справедливости, чтобы в свою очередь не превратиться в жестокий ригоризм, не мог быть сведен, в его глазах, к неумолимому выполнению императивной нормы нравственного закона. «В осуществлении справедливости», говорит Кони,—последняя должна восполняться «дейтельной любовью». «Одной справедливости мало (подчеркивает он) для того, чтобы размах меча правосудия был праведным. Истинное и широкое правосудие должно выражаться и в человеческом отношении к виновному»,— иначе путем отрешенной «справедливости» можно прийти и до «святой инквизиции». «Низко преступление,— постоянно напоминает Кони,—но человек достоин сожаления». Таким образом, в глазах незабвенного «прокурора», суд должен был быть не только судом «правым»—по праву и справедливости—но и «милостивым» по чувству любви к человеку, т.е. судом праведным в целом. Так право становилось, в понимании Кони, высшей правдой-справедливостью. Говоря иначе, Кони как бы хотел вернуть «праву» утраченную им в классовом обществе нравственную основу, т.е. вновь сообщить социальной норме ее оригинальную цельность, придав ей тот характер, какой она носила в сознании и совести человека архаической древности, для которого понятие об обязательной норме социального поведения сливалось с представлением о «правде», как велении нравственного закона и религиозной «заповеди».

При таких воззрениях нашего правоведа становится совершенно понятным, что он был и оставался до конца прежде всего моралистом. Этическая точка зрения была для него всегда руководящей. Не даром он так много отдавал внимания самой дорогой ему дисциплине—судебной этике, «как учению о применении общих понятий о нравственности к той или другой отрасли специальной судебной деятельности», по его соб-

ствѣнному опредѣленію. Не раз он посвящал этой теме и свои академические (Александр. лицей) и свои публичные лекции, постоянно возвращаясь и в печати к своему основному сюжету: «о нравственных началах в уголовном процессе». И он умел даже вносить эти моралистические тенденции в свои, всегда мастерские, ученые интерпретации кассационных заключений, где, казалось бы, ему приходилось иметь дело с сухими и чисто формальными вопросами процессуальной практики. Нельзя не указать в данном случае также и на образцовую работу Кони «Приемы и задачи обвинения», вылившуюся под его пером, по существу, в своеобразный трактат о «нравственной дисциплине» судебного деятеля. Проблема общественной морали, действительно, настолько поглощала Кони, что в последние годы, когда круг его практической деятельности значительно сузился, мы видим его всецело углубленным в ее разработку. Недаром один из последних курсов его закатных дней был посвящен им вопросам «врачебной этики». Можно было бы при таких условиях сказать, что главной темой жизненного служения Кони была именно этика общежития, как и назвал он один из своих читанных им в последние годы публичных курсов. Но нигде, быть может, не отобразилось с такой силой и цельностью общее моралистическое мирозерцание и настроение стойкого поборника права и справедливости, как в его судебной деятельности, где он выступает перед нами, как истинный глашатай общественной совести, вдохновенно, с исключительным искусством и неподдельной искренностью умевший сочетать «правовые и нравственные требования». Учение Кони о праве и правосудии не было для него только отвлеченной «*gaue Theorie*». Пафос его этико-правовой философии лежал в ее действительности. Кони был не только человеком «слова», но прежде всего творческого «дела». Про него можно смело сказать, что в своем лице он дал нам лучшую и самую яркую иллюстрацию своей теории. Его выступления в качестве представителя публичного обвинителя, запечатленные в собрании его «судебных

речей» и сборнике «За последние годы», являются до сих пор непревзойденными образцами искусства «говорящего публично судьи». Мы имеем, однако, в настоящем случае не только пример мастерства ораторской речи Кони, владевшего в совершенстве тайной безискусственного и вместе с тем высоко художественного живого слова, но и особый подход его при анализе преступного деяния и оценке связанных с ним личностей, будет ли то виновник деликта, потерпевший или, наконец, свидетели. В этом смысле судебные речи Кони—нечто *sui generis*, нечто непреходящее, но и не повторимое. Читая их, прежде всего забываешь, что «слышишь» слово публичного обвинения. Если бы не традиционное «гг. присяжные», пожалуй, и не догадаться сразу, что присутствуешь в зале суда, где вершится судьба людей, ожидающих своего «приговора». Кажется, будто читаешь какое то художественное произведение, в котором глубокий и тонкий психологический анализ соединяется с поразительным знанием и живой изобразительностью быта, жестокой прозы жизни с ее роковыми трагическими провалами и жуткой «жесточью». Но мастерство кисти художника не скрывает от нас напряженного вдумчивого лица глубоко-мысленного социолога, который так убедительно просто и в то же время жизненно верно вскрывает перед нами ту сложную житейскую обстановку, на фоне которой разворачиваются события очередной «уголовной» драмы. И что особенно характерно для речей Кони, юридическая казуистика в них совершенно отсутствует, самое упоминание о той или иной «статье» закона, под которую должно быть в конечном итоге «правомерно» подведено преступное деяние, как то вскользь мелькает, где то на втором и третьем плане, обычно, в заключительной части речи оратора. Вы чувствуете, что для говорящего на первой очереди стоит вопрос о материальной правде, а не формальной норме, или, как поясняет он сам, о «нравственной», а не «юридической ответственности»— требование, которое Кони прежде всего и предъявляет судьбе. В отношении обвиняемого, совершившего «преступ-

ный» акт, для Кони самое важное выяснить (как себе, так и другим) основной вопрос: «как дошел он до жизни такой»... И для разрешения поставленной таким образом задачи, Кони нередко с большей подробностью останавливался на характеристике жертвы преступления или общей ситуации обстоятельств, чем на самом обвиняемом. В его всегда глубоко-жизненной интерпретации следственного материала перед слушателями вставала в конце-концов целая и законченная картина какого то неизбежного и в то же время недопустимого «несчастья». При этом оратор не позволяет себе никаких излишеств, никакой позы и фразы, всегда краток, всегда соблюдает чувство меры и меру чувства. Он апеллирует только к человеческому сознанию и совести «присяжных» судей, без всякой аффектации или «ложной чувствительности», не прибегая ни к «бездушной риторике», ни к красивому фразерству, преисполненному «страстных и трескучих тирад», не позволяя себе в то же время увлекаться и «полемическим задором». «Говори с убеждением»,—таков его единственный совет и завет судебному оратору. В речах Кони мы не встретим, поэтому, ни малейшей скрытой или явной попытки оказать так или иначе давление на совесть судей или стремления «обвинить *quand même et malgré tout*», тем менее какой-либо резкой или двусмысленной выходки против обвиняемого или кого-либо из участников процесса. Со словом надо «обращаться честно»—любил он напоминать «великий завет Гоголя». «Обвинительные» речи Кони, поэтому, полны высокого достоинства и сдержанной осторожности, они ничего никому не навязывают, хотя никогда и не уклоняются от произнесения ясного и точного суждения, которое, однако, всегда оставляет достаточно простора свободному изъяснению «общественной совести» судей, голос которой обычно так чутко угадывал А. Ф. в своих заключениях. Но если, таким образом, Кони всегда чуждается безапелляционных, категорических осуждений, то, с другой стороны, он никогда не уклоняется от нравственной оценки деяний лиц, вовлеченных в преступную катастрофу. Но в этой оценке,

главной и основной, всегда сквозит сознание принятой на себя огромной «нравственной ответственности», обвеянной «деятельной любовью к человеку». Но несмотря на эти типические тенденции «обвинительных» речей Кони, они всегда далеки ложной сентиментальности. Кони требует от судьи «твердого, но справедливого проявления власти», и там, где это разрешает совесть, рука власти не только может, но и должна уверенно и спокойно «согнуть выю мироедов под справедливое ярмо законов», как выразился он в своей знаменитой речи по делу «кандидата бесправия», земского начальника В. Протопопова. Именно в этом замечательном процессе Кони в своем блестящем «слове» дал классическую отповедь носителю «попечительной» власти, а вместе с тем и образец речи «обвиняющего судьи». «Люди, относящиеся серьезно к идее о власти (говорил он на суде), получая ее в свои руки, обращаются с нею осторожно—а вызванные на проявление ее—в благородном смущении призывают себе на память не только свои права, но также и свои обязанности и нравственные задачи». Но «личные чувства» и «вино власти» нередко «заслоняют от них общественные обязанности» и заставляют забывать об «уважении к человеческому достоинству», что и случилось с подсудимым. Указывая ему в дальнейшем, что он является человеком с высшим образованием, Кони тут же напомнил подсудимому, что «студент обязан выносить из университета не один багаж систематических сведений, но и нравственные заветы, которые почерпаются в источнике добра, правды и серьезного знания, называемого наукой». «Наука о праве—закончил свое «поучение» нелицеприятный судья—в своих обширных разветвлениях везде говорит о началах справедливости и уважения к достоинству человека» и обязывает, поэтому, носителя власти «послужить на добро и нравственное просвещение народа». Таков по существу настоящий приговор прокурора Кони по делу Протопопова. Дидактический характер, проникающий эту отповедь-речь совершенно ясен, но столь же очевидно, что, именно,

в нем полагал Кони истинное призвание «публично говорящего судьи». Юридическая квалификация преступного деяния стояла для него, действительно, на втором плане, но и ей он умел придать ту же своеобразную окраску. Так, обращаясь, в двух словах, к формальной стороне дела в процессе того же Протопопова и высказавшись за необходимость «высадить» подсудимого «за борт корабля государственной службы»¹⁾, Кони закончил свое слово следующими замечательными словами: «Когда он (подсудимый), предавшись частной жизни, сольется с массой людей, не имеющих никакой власти—и взглянет на последних снизу вверх, он вероятно поймет, как дурно для других и опасно для себя распорядился он той властью, которая была ему с доверием дана»... Какая тонкая ирония по адресу власти и вместе с тем какая сдержанная, но веская оценка деяний подсудимого слышится в этих проникновенных и мудрых словах: «какою мерою вы меряете, такую же и вам отмеряется».

Одного этого примера достаточно, чтобы оценить все величие того правосудия, которое в своей основе опирается на высокий завет Кони: «истинная справедливость выше формального закона».

И чтобы закончить теперь нашу характеристику А. Ф. Кони, как апостола и служителя «справедливого права», которое находит свою высшую санкцию в правосудии, мы позволим себе добавить еще один штрих к беглому абрису его благородного образа.

Чуткому к судебной правде и неправде, Кони как-то пришлось присутствовать на том самом процессе, обстоятельства которого послужили сюжетом для известной пьесы Л. Толстого «Живой труп». Процесс закончился тяжким осуждением двумужницы—«вдовы» несчастного пропойцы, симулировавшего по уговору с ней самоубийство. Приговор суда поразил живую совесть Кони, как явная бесчеловечная жестокость, обрекавшая целую семью на неотвратимую гибель. Ясно, что Кони не мог остаться

¹⁾ Т.-е. лишить его прав гос. службы.

безучастным зрителем среди «публики» судебного зала. Он пустил в ход все свое влияние, и ему в конце концов удалось добиться пересмотра дела, результатом которого явилось почти полное оправдание несчастных жертв «правомерного» правосудия. В этом характерном эпизоде, где Кони-человек так тесно сливается с Кони-судебным деятелем в едином цельном образе благородного служителя идеи права, справедливости и милосердия — лучшая оценка его замечательной личности. И в свете подобных фактов становится понятным, где следует искать источник поразительного и редкого искусства Кони живописать дела и лиц минувших лет и его способности немногими мазками артистической кисти зарисовывать основное, сокровенное в человеке. Человек великой совести, всегда и везде он был тот же нелицеприятный судья и вместе с тем самый горячий и стойкий прозелит своей доктрины. Всю жизнь, пока билось его сердце, он активно и творчески стремился воплотить свой высокий идеал в живое дело «деятельной любви», и не его вина, если в последние годы его жизни круг его общественного служения значительно сузился и он должен был уклониться с того пути, на котором некогда нашел свое истинное призвание. Но если в конце жизни А. Ф. произошел невольный сдвиг, то сам он остался все тем же неизменным Кони, единым в своем слове и жизненном деле.

Мы видели уже, что его правовое credo, было вместе с тем и его моральной философией, целостно определявшей его как личность, общественного деятеля и ученого с европейским именем. Какова была эта философия, мы теперь знаем. В нашу задачу, однако, в настоящий момент не входит критическая оценка этико-правовой теории Кони. Да, и нужна ли теперь эта критика? Мы хотели восстановить живой образ Кони, а не следует забывать, что учение Кони было прежде всего живым делом всей его жизни, в этом его вся сила и значение: «по делам его и судите о нем».

Но как бы мы ни относились по существу к его учению, все же мы должны признать, что при всей слабости

своей доказательности, оно отличается неотразимой—так сказать—персональной убедительностью, которую сообщает ему жизненный подвиг самого А. Ф. Кони, истинного апостола человечности и деятельной любви, этих великих начал, без которых тщетны будут все усилия найти окончательное разрешение социальной проблемы всемирного братства народов, каковы бы ни были настоящие пути и сроки, приближающие нас к вожделенному финалу мировой драмы человечества.

И если «жизненный путь» Кони и не был тем путем великой социальной борьбы, по которому движутся направляющие силы истории, то в своей предельной точке идеальных устремлений—оба они необходимо встречаются. И какова бы ни была научная значимость глубочайших убеждений и теоретических построений незабвенного Кони, уже одного его благородного порыва всей жизни, направленного—по его собственным словам—к тому «чтобы ввести доступное человеку в условиях места и времени великое начало справедливости в земные людские отношения»—вполне достаточно, чтобы преклониться перед его светлой памятью и личностью. Он трудился и боролся для будущего! А при таких условиях для нас становится понятным тот ореол высокого почета, который неизменно окружал его имя при жизни и почил на его могиле в последний траурный час.

Вечная память Анатолию Федоровичу Кони.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
1. А. Ф. Кони. <i>Н. Н. Полянский</i>	5
2. Идеолог «справедливого» права. <i>Б. И. Сыромятников</i>	33
